

Современная проза

Виктор СЕРОВ

ЗАПАХ БЕСА

Ироническая драма в 2-х действиях с прологом и эпилогом
и песнями Николая Шипилова

ДЕЙСТВУЩИЕ ЛИЦА

Виолетта Фёдоровна – 40-летняя сельская учительница, она же директор начальной школы, районный депутат, Пахан и Президент деревни Новый Вокзал.

Мария Игоревна Чашина, она же Чаша Машина (за глаза, для своих) – режиссер-документалист, красивая, ухоженная, модно одетая женщина тридцати с хвостиком, умеет при необходимости грубыми словами выражать свои чувства и суть проблемы.

Вячеслав Вячеславович Петров, он же ВВП – сценарист. Ему сорок, кое-что уже сделал в своей жизни – имя, по крайней мере. Но хочет чего-то большего. Не любит заниматься бытом – когда киногруппа хлопочет, обустроиваясь, он берет блокнот и говорит: «Не буду отвлекать, схожу подумаю, напишу». Как ни странно, не глупый.

Николай Григорьевич или Коля-Гриша – кинооператор. Самый ценный человек в коллективе «съёмщиков» - ведь если выдаст брак, то «всё пропало!». Но за двадцать с гаком лет в профессии после ВГИКа ошибок не делал. Во всяком случае, они не запомнились.

Толечка – звукорежиссер-звукооператор. Тощий, долговязый парень с модной стрижкой. Любит говорить загадками и шутками. Во время застолий, когда стаканы наполнены, укорачивает многоговорящих: «Это вам не микрофон, долго держать нельзя».

Петр Иванович (Пётр Иваныч) – водитель. Ему за двадцать, усы пышные. На студию кинохроники пришел сразу после армии со словами: «Моё имя Петр Иванович. Возьмите на работу. Жить без кино не могу». Говорить ему много не положено, не по чину, Он и не пытается, но если что и скажет, то все по делу. Не расстается с гитарой; когда в нужный

момент исполняет нужное, то все улетают туда, куда песня зовет. Командировки любит, машину любит и лелеет.

Мама Надя, Надежда Ивановна, исполнительный директор фильма. Возраст бальзаковский. Кино и киншиков любит до беспамятства. Поэтому с ней всегда – как у бога за пазухой. Всегда делает так, чтобы группа, даже отдыхая, думала о работе, не думала о мелочах быта. «Ребята, что бы вы ещё хотели?»- её любимая присказка. И ещё: «Смешные вы, мужики».

А ТАК ЖЕ:

Директор ЗАО (Закрытое акционерное общество, бывший совхоз). ФИО не важны.

Фермер

Руслан, муж Виолетты Федоровны, уроженец кавказских гор

Лиза, дочь Виолетты Федоровны, шестиклассница

Рая Сибирцева, шестиклассница

Жители Нового Вокзала (пожилые супруги)

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ – САМОЕ НАЧАЛО 21-го ВЕКА

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ – СИБИРСКАЯ ГЛУБИНКА

ВРЕМЯ ГОДА – ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА

Ирония возникает от интонации на протяжении всего повествования; действующие лица слегка посмеиваются над собой: киношники потому, что этот стиль необходим для профессии, а остальные потому, что не совсем верят собственным словам и от этого немного теряются.

Песни Николая Шипилова звучат четыре раза: когда меняются декорации, Пётр Иванович поёт на краю сцены. В каких-то случаях содержание песен является иллюстрацией событий, в каких-то – контрапунктом. Важно то, что в песнях болючая, непоказная самоирония.

ПРОЛОГ

Обычная редакционная комната провинциальной студии кинохроники. Мебель безликая. На полках серванта – пыльные толстые папки, справочники, кофр от объектива, какой-то приз в виде трактора на пьедестале, стакан с ручками и карандашами, стопка машинописных листов... На столе кофеварка, разнокалиберные чашки, вместо пепельницы банка из-под киноплёнки. Старенький телевизор. Старый холодильник. В углу рогатая вешалка. На стене висит красивая роза на длинной ножке, выкованная из черного металла – тоже какой-то приз, рядом – гитара. На стенах большие фотографии рабочих моментов киносъёмки и свидетельства фестивальных триумфов героев нашей истории. Под потолком смонтирован видеопроектор, на одной из стен – киноэкран.

Коля-Гриша, сидя в продавленном кресле, задумчиво курит, пуская дым кольцами. Возле него кинокамера на штативе. ВВП смотрит в окно, не поворачиваясь. Толечка одной рукой крутит настройки телевизора, в другой держит пирожок. На шее у него наушники. Мама Надя наваливает пирожки на стол. Пока то-сё, пока действие разгоняется, Вячеслав Вячеславович Петров, ВВП, обращаясь в зал, читает по бумажке текст

«Действующие лица». Закончив читать фразой «Время года – последние дни лета», чуть призадумался. Дальше говорит колеблясь.

ВВП. Наверное, нашему рассказу эпитафия нужен. Наверное, нужен... Он таков: «Такое могло быть. И такое было».

Надежда Ивановна, Мама Надя, готовит чай с пакетиками, предлагает каждому.

Толечка (*не отворачиваясь от телевизора*). Потом.

Коля-Гриша. Мне покрепче. Чай, кофе, коньяк, бренди...

Толечка. Не смешно.

ВВП. Спасибо... А где же наша Чаша? Где ее ветер носит?

Мама Надя пожимает плечами.

Коля-Гриша. Сегодня результаты конкурса должны подогнать. Или не должны...

ВВП (*глядя в окно, отмахиваясь, как от мухи, раздраженно*). Должны. Я знаю. Московская Прачечная обещала.

Входит Пётр Иванович. Крутит на пальце связку ключей. Здравается, принимает от Мама Нади чай и пирожок, садится на свободный стул.

Пётр Иванович. И что?.. Когда-нибудь едем куда-нибудь? В стране такое творится, а мы здесь сиднем сидим. Кино снимать нужно. Мне уже надоело машину гладить и воздух пинать...

Все недоуменно смотрят на него. Мама Надя пожимает плечами, протягивает еще пирожок. Пётр Иванович снимает со стены гитару, трогает струны, начинает мурлыкать песенку. Все молчат, поглядывая на дверь.

Коля-Гриша (*берет из кофра кассету с пленкой, вставляет в камеру, смотрит в окуляр*). Вы пейте, пейте чаек, а мне пробу снять надо – пленка свежая пришла. Японская. Фуджи...

Дверь открывается. Входит Мария Чашина, Чаша Машина. Стоит неподвижно. Лицо невозмутимое. Мама Надя протягивает ей пирожок и чай. Чаша садится в кресло, молча ест. Пётр Иванович напевает. Коля-Гриша снимает. Толечка, взяв магнитофон и микрофон, пишет звук. ВВП поставил пустую чашку на стол, скрестил руки на груди, смотрит вопросительно на Марию Игоревну.

ВВП. Да ладно тебе!.. Я шас взорвусь, как сорок тонн тротила! Говори: капец подкрался незаметно?

Чаша (*не спеша дождевав*). Простите. Всё не так.

Пауза. Все ошалели.

Снимаем кино!.. Лубок. Шедевр про вокзал, которого не было, нет, и не будет.

Пауза. Все в ступоре: не ясно, есть ли на ближайшие полгода работа, или надо думать.

Пётр Иванович. А что такое... Как бы это сказать... Лобок?

ВВП (*он уже собрался с мыслями*). Не лобок, а лубок. В нашем случае это такая приторно-сладкая картина, что только в конце становится ясно, who is who?

Пётр Иванович. Не понял... Хуйз?..

Коля-Гриша. Позитив, позитив и ещё раз позитив. Это и есть лубок.

Смеха нет. Все серьезно смотрят на него, потом Коля-Гриша, оставив в покое камеру, достает из кофра бутылку шампанского, Мама Надя шустро готовит посуду для питья. Все возбужденно, хлопоча, что-то бормочат («Ну, слава богу.. Вэвэпэ молодец... Мы при делах, однако.. А когда ехать.. А пленка есть?.. А что там с погодой?.. А где – там?.. А что у нас есть – кроме шипучки?.. А как это Коля-Гриша догадался про позитив?.. А зачем нам негатив?..»). Пётр Иванович вернулся к гитаре, продолжает уже в голос петь одну из песен Николая Шипилова. Возможно, это будет «Деревья» или «Осень», или...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Эпизод первый

Придорожная чайная (кафе, забегаловка). О том, что заведение при дороге, говорят надписи в виде аккуратных, небольших плакатов, написанных по-разному, на стенах. Вроде таких:

Не уверен – ночуй дома
 Не пей за рулём – можно пролить
 Газ не девушка – не жми
 Не смотри на жопы, а смотри на стопы
 Не делай глупостей, шофёр!
 Удачи тебе, браток! (это напутствие было над дверью)

Все сидят за двумя сдвинутыми столиками – кроме Мамы Нади (она носит тарелки с едой от стойки, потом чай наливает) и Пётр Ивановича – он снимает на фото группу. Коля-Гриша снисходительно поглядывает на него. Толечка в наушниках что-то слушает. ВВП что-то нетленное пишет в блокноте. Чаша в задумчивости водит вилкой по столу. Хозяйка пододвинула к столу стулья, постучала на кассе, подает тарелки от амбразуры на стойку.

Фоном звучит сода предыдущей песни.

Чашина. Собирались бегом-бегом. В полуобморочном состоянии. От счастья чуть не... А у меня ощущение, что не все понимают – что, зачем, куда, почему?

Все молчат, еду поглощая, плечами пожимая, с некоторым интересом поглядывая на режиссера, зная, что что-то существенное скажет, а лишнее само отсеется.

Рассказываю. Сейчас мы уже в Болотнинском районе. Через 17 километров от свёртка прозябает деревня под тем же названием, что и на указателе: «Новый вокзал». Но фокус в том, что здесь, отродясь, не то что вокзала – узкоколейной железной дороги не было и не будет. Здесь погибает обычный населенный пункт – один из тех тысяч, что исчезает с карт России ежегодно. Здесь (*смотрит в свой блокнот*): 7 человек работоспособных, 10 пенсионеров, семеро ребятшек – из них четверо младшеклассников... Всего 10-12 домов, с десятков КРС (включая телят), столько же свиней, столько же собак-дворняг. Еще куры. Утки, гуси не наблюдались почему-то...

Толечка. А что такое КРС? Вы сказали, что на Вокзале (или в Вокзале?) десятков КРС...

Мама Надя. Смешные вы, мужики. Как будто в старые добрые времена советская власть не сообщала ежедневно сводки о повышающихся надоях? КРС – это крупный рогатый скот. Проще говоря, ко-ро-вы...

Пётр Иванович. И бык впридачу. Стаду необходим. По закону. Животное – труженик...

ВВП (*нетерпеливо, отодвинув стакан с чаем*). Давай-ка я. По сути. Для тех, кто на бронепоезде... Эти четверо младшеклассников учатся в начальной школе. И школа – в этой деревне!..

Пауза. Уже интересно. Все смотрят в рот ВВП.

Толечка. Ну. И что из этого?

Коля-Гриша. А любопытно.

Пётр Иванович. И так бывает...

Мама Надя. А это хорошо или плохо?

ВВП. А вот что. Здесь учитель есть. Один во всех лицах: он и директор, и уборщица, и местный депутат. Ташит на себе все вокзальные проблемы: зимой – чистка дороги, круглый год – электричество, телефонная проводная связь, связь с местными чиновниками, доставка пенсий... Да мало ли чего нужно прозябающим на обочине...

Чашина (*нетерпеливо*). Давай я короче скажу...

Коля-Гриша (*перебивая*). Не догоняю: здесь учитель или учительница? Простите, но это две большие разницы. Любопытный оверкиль...

Чашина. Не будь Виолетты Федоровны, сгинула бы деревенька к чертовой бабушке!

ВВП (*продолжает терпеливо, ему хочется все уложить в ту сценарную схему, которую приняли Те, кто принимает решения о субсидиях на производство доккино, полезное государству*). Пока держимся вот за что. Наша героиня – Виолетта Федоровна. Она для всех вокзальных – свет в окошке, единственная путеводная звезда, подсказывающая дорогу во внешний мир, символизирующая незыблимость и правдоподобие провозглашенного полвека назад лозунга: никто не забыт... Живущие на Вокзале не забыты.

Коля-Гриша. Старик! Это ты всерьез? ПионЭр? Не узнаю взрослых циников. Героиня с нимбом, что ли? Таких еще не доводилось видеть. И снимать... На кино снимать...

ВВП (*взглянув за помощью на Чашу*). Господи! Ну, как это не понять?

Есть внешний мир, он очень большой. Есть средний мир – это наша страна. А есть маленький – это малая родина. Родина Человека. И ее кто-то оберегает... Вот про это наш фильм.

Коля-Гриша. Коварный план ВВП – на фоне лубка показать говно, в котором живем. Конформизм, однако. Или коллаборационизм. Для меня – однозрелостно. Лишь бы кино хорошее было... Работы хочу...

ВВП. Да нет...

Мама Надя (*встревожено*). Извините, так что вы говорите: да или нет?

ВВП. Говорю же: нет. Не красим жизнь своими раскрасками. Давно хотел найти героя без пятнышек, без помарок... И нашел.

Толечка. Хм-м... Теория малых дел, однако.

Коля-Гриша. А что в этом плохого? Давненько я не снимал хорошее кино про хорошего человека.

Пётр Иванович. Извините меня, пожалуйста. Можно вопрос? Не успеваю. Я в простр... в прострации... Правильно говорю? А может, я живу в другом мире? Не пойму, в чем у вас проблема? У меня ее нет. Если есть взаправду хороший человек...

Мама Надя. Смешные вы, мужики. Я, например, проблемы здесь не вижу. И Пётр Иванович не видит. Надо быть спокойным...

Толечка (*поет*)... И упря-ямым...

Мама Надя. А что бы вы ещё хотели? (*все переглянулись*)... Имею ввиду телесную пищу, а не духовную. Наедаться надо, на вокзале, поди, буфетов нету...

Хозяйка-буфетчица. А и вправду... Скоро сказка сказывается, а пельмени и чай не помешают...

Мама Надя. Пельменям – нет. От большой еды в сон шибает, талант пропадает... А вот еще раз по крепкому чаю...

Все согласно кивают. Думают. Хозяйка и Мама Надя разносят чай.

Чашина (*нетерпеливо*). Ну, хватит невинных изображать! Пейте горячительный напиток... (*здесь Коля-Гриша хмыкнул*)... чай горячий. И слушайте. Это для тех, кто на сеновале. И для себя тоже.

За последние двадцать лет в нашем среднем мире... в стране нашей... дорог не строят, врачи-учителя унижены, миллионеры и миллиардеры тучнеют. Об этом официальная статистика шепчет. И вот спрашивается: как в этом сером, зыбком, пованивающем, безрадостном пространстве – ужас! Что такое я несу?! – как здесь возник оазис в полной гармонии человека и общества, человека и власти?.. А все дело в конкретном человеке, который любит других...человеков и делает ради них конкретные дела. Андестенд ми? Делаем фильм про человека с большой буквы...

Хозяйка-буфетчица (*она прислушивается к разговору, перетирая стаканы*)... Знаю эту деревеньку. Полный отстой. Помирает, однако... Поля сорняком заросли, коровники давно без коров стоят, рушатся; из техники – лишь велосипеды у пацанов... Целых два на всю деревню. Работать некому. Все бегут оттуда. Уползают, можно и так сказать...

Все переглянулись.

А название такое – Новый Вокзал – дали основатели деревни, целинники. Я знаю. Нас в школе просвещали. Сама-то я оттуда... Стихи вот помню. Про наш Вокзал стихи.

... Там, где буйствовал ветер,
И шумел зимний колокол,
Встал нарядный и светлый
Наш вокзальный поселок.
Где стояли палатки,
Озаряясь кострами,
Зашумела пшеница
Налитыми хлебами.
Покорилась природа.
Запестрел сад цветами,
Славен труд хлеборобов
С золотыми руками!..

... Надо же, как нам мозги тогда зас... зас... застлали покрывалом тёмным. Ну, и где новый вокзал? Нигде. Нет и не было рельсов, вагонов, вокзала. Был лишь «труд хлеборобов с золотыми руками» и мечты о светлом, счастливом дне, который вот-вот наступит... А что? Люди ведь заслужили хоть немного чего-то хорошего... Господи!... О чем это я? Простите, залезла без спросу в чужой огород. И про кастрюли забыла...

Хозяйка-буфетчица, смутившись, вздохнув, вытерла руки о фартук, ушла за стойку. Все переглянулись.

Чашина. Приедем – посмотрим. Посмотрим – увидим. Увидим – подумаем. А уж потом – порешаем...

Пётр Иванович. По коням? Я правильно вас понял, я вас понял?.. Нас ждут великие дела? Или почему?

Коля-Гриша. Трудности нас закаляют. Мы мужеем... мужествоем... Закаляемся и крепнем!

Толечка. Нас не сожрут великие дела. Мы их, дела, делаем и с ними дружим. И только потом коньки отбрасываем.

Мама Надя. Смешные вы, мужики...

Не спеша все встают. Хозяйка-буфетчица убирает посуду, Мама Надя помогает.

Буфетчица. Извините за вопрос. Вы же киношники? Ну, не телевидение же! Тех знаю хорошо. Обедают всегда у меня, когда на Алтай едут. Здесь как раз полдороги.

Пётр Иванович (*с достоинством*). Мы – студия кинохроники. Кино делаем. Документальное.

Буфетчица. Так вот, у меня вопрос. А правда, что вы известку с собой возите? Что бы коров, измазанных в навозе, побелить? Я про такое дело кино по телевизору видела. Или это про давние, ранешние времена? Сейчас этого нет? Или есть-таки?...

Чашина. Знаю этот фильм. «Мифы и реальность кинохроники» называется. Я по нему курсовую писала. Давний фильм...

ВВП. Обелять действительность. Лакировка действительности... Были такие дела.

Пёр Иваныч. Сейчас мы известку не возим. Жизнь снимаем. Такую, как она есть. Нам врать запрещено. Правильно говорю?

Буфетчица. Интересно, и кто же вам врать запретил?

Чашина. Мы сами. Себе. Врать. Запретили. Вот и всё. Айда на выход! Цигель-цигель!..

Все уходят. Хозяйка-буфетчица задумчиво смотрит вслед, покачивая головой.

Эпизод второй

ВВП (*на краю сцены*). Сначала было весело и замечательно. Замечательно и весело. Все шло в цвет, в масть. Домашнее мутное замешательство, подкрепленное непонятной репликой буфетчицы, забылось. Виолетта Федоровна была молодец...

А на сцене: Школа готовится к новому учебному году. Виолетта Федоровна на пару с дочкой моет школьный коридорчик, возят, согнувшись, мокрыми тряпками по полу. Коля-Гриша все это снимает. Толенька, пристроившись в углу, звук пищет. ВВП и Чаша в сторонке стоят. И они, и Толенька почти незаметны. Виолетта Федоровна якобы не видит, что камера их снимает.

Виолетта Федоровна. А помнишь, когда ты была маленькая, сказала о своей мечте: побывать в Бразилии? Я пообещала. Ты собрала чемодан, и мы поехали. В соседний район. В деревню Кривояш, на мою малую родину. К моему родственнику, дяде Вове. Он был не совсем... Совсем не в форме. Ты мне тогда сказала: «Ух, очкастая сволочь! Обманщица!...». Помнишь?..

Лиза. Да ладно, мама.. Конечно, не помню. Сейчас у нас все хорошо, да?.. Давай-ка сейчас вывеску школы оформим. До-оформим...

Вытаскивает вывеску, на которой написано: «Новый Вокзал. Начальная школа».

Виолетта Федоровна. И чего здесь не хватает?.. Думай-думай...

Лиза. Ну... Названия района. Болотное...

Виолетта Федоровна. И страны, да?

Лиза. Да. И герба государства, да?

Виолетта Федоровна. (*чуть растерянно*). Да. А где ж его взять?

Лиза. А я знаю. Знаю! Папа блок сигарет вчера купил. «Пётр первый». Там на корообке герб есть. Наш герб!

Лиза вытаскивает из полиэтиленовой авоськи картонку от сигарет с гербом страны, ножницы – скорее всего, заранее запаслась. Виолетта Федоровна, продолжая уборку, напевает вполголоса – чуть-чуть на камеру, чуть-чуть для дочери.

«Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы - пионеры, дети рабочих...». Или: «У дороги чибис, у дороги чибис, он кричит, волнуется, чудак. Ах, скажите: чьи вы? И зачем, зачем приходите сюда?...». Наверное, она бы и что-то другое спела. Но что?

Песни советского детства знает, а новых – нет, как нет...

Пол домыли. Виолетта Федоровна выжимает тряпку, выгибается, разминая спину, улыбается загадочно.

Виолетта Федоровна. А хочешь, покажу, как раньше в школе давался сигнал на перемену? Хочешь?.. Сейчас такое... изумительное... и не придумают. Даже в обл... обр... сельхоз... надзоре просвещения. Я тогда пионеркой была. В центре внимания была.

Виолетта Федоровна заходит в кабинет с табличкой на двери «Директор», выходит с пионерским горном. Играет: «Ту-ту! Ту-ту!... Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку»!..

Сначала звуки были пронзительно чисты, светлы, сильны. А потом стали хриловаты. Виолетта Федоровна виновато опустила горн и пропела негромко речитативом про чибиса: «Ах, скажите: чьи вы? И зачем, зачем идете вы сюда?..» А потом и другую: «... Нас приветствуют звонкие птицы, шум листвы и журчанье ручья... Так шагать по земле и учиться – до чего ж интересно, друзья!..» Занавес постепенно закрывает сцену, Виолетта Федоровна остается в школе, а киногруппа вместе со штативом и кинокамерой переместилась на авансцену. И случилось так, что группа выстроилась в ряд. Каждый по очереди выходит к кинокамере, кладет на нее или на штатив руку, докладывает залу. И себе тоже...

Надежда Ивановна, Мама Надя. На студию меня привела соседка. Она работала контролёром в цехе обработки плёнки. И я часами сидела вместе с ней в зале ОТК, смотрела кино про жизнь, которую я, девочка, знала и узнавала. Мне тогда казалось, что моя жизнь – это что-то неважное. Промелькнет – и всё. А смотрела кинохронику и видела обратное: оказывается, жизнь и не великих людей интересна и любопытна. И вот после пединститута вместо того, чтобы детей пестовать, я ухаживаю за этим взрослым народом. Они такие неловкие в быту, им бы только работать и работать. А что пить-есть будут, где ночевать, как то да сё – про это ничего не знают. Как дети малые, ей богу, смешные такие... Но самое главное: они не такие, как все. Они особенные - не знаю, хорошо это или плохо... Но я вместе с ними. Я из их стаи. Для меня это очень важно.

Николай Григорьевич, Коля-Гриша. Перед ВГИКом я закончил другой институт. Станкостроительный. Но ни дня по специальности не работал. Сразу в Москву поехал, на кинооператора учиться (*смеется*). Не знал, что учиться можно и нужно, но таланту не научишься. После сдачи вступительных было собеседование. Меня спросили: «А какую камеру вы предпочитаете?». А я сказал, что любую. Пусть ведро будет. Лишь бы дырка была. И плёнка... Преподы засмеялись и приняли на заочное. И вот двадцать с лишним лет диву даюсь: я получаю от жизни удовольствие, но не плачу за него, за удовольствие. Всё бесплатно. Более того: за мое удовольствие мне ещё и деньги платят! Одним словом, изумление с восхищением пополам. Чудны твои дела, господи... Да! Забыл сказать: мой главный принцип работы – на съёмочной площадке будь своим, будь незаметным. И не забывай кассеты заряжать и правильно диафрагму выставлять (*смеётся своей простецкой шутке*).

Чашина Мария Игоревна. ... Была молодая, глупая. Хотела снимать большое кино. Потом дошло: сейчас, в наше время, нет его. И куда бедному крестьянину податься? Но я же не совсем глупая, тюкал-тюкала и дотюкала: сегодня наши документальные фильмы в сто раз лучше так называемых художественных. А главная причина одна:

живого человека на экране не заменит ни один актер. Мои друзья режиссеры-игровики завидуют мне, потому что я завишу только от себя: сама сценарии выбираю по душе, в съёмочной группе лишь те люди, которых я люблю и уважаю. Даже если они в чем-то не нравятся. Я тогда с ними не соглашаюсь, ругаюсь. Но всё равно, люблю именно таких негодяев (*улыбается нежно*).

Анатолий, Толечка. ... Защитил диплом в Институте театра, музыки и кинематографии – и ту-ту, в армию. Срочную. Год. Военной кафедры у нас не было... Попал в роту связи. Служба не пыльная. В основном, дежурство у приборов. И тут, под занавес службы, возникли крупные штабные учения. Генералов много понаехало. Но мне-то всё по барабану – кстати, люблю я этот музыкальный инструмент,- меня не трогали. Но вдруг комполка вызывает. Ты, говорит, спец по звуку, но образование высшее, институт не зря, поди, заканчивал, с изображением должен разобраться, беги, говорит, в гостиницу к генералам, у них телевизор в холле не работает, а генералам надо посмотреть, как главное телевидение учения освещает. Если хорошо – то им всем будет хорошо, да и мне немного неплохо. А вот если плохо... В общем – кр-ругом, рысью марш-марш!

Прибегаю, смотрю: сидят генералы, смотрят телевизор. Точнее, НА телевизор. Он хоть и большой, но не рабочий. Как в том анекдоте. «Товарищ прапорщик, можно нам перед отбоем телевизор в Красном уголке посмотреть? – Можно. Смотрите. Только не включайте»... Вот я и говорю генералам: «Простите, а вы не пробовали вилку в розетку воткнуть?» Пауза. Молчание... Включаю. Настраиваю картинку, звук. «Разрешите идти?..» Честно говоря, испугался немного. На всякий случай испугался. Один генерал покраснел от злости и чуть не лопнул от подтекста, но промолчал, потому что более главный генерал назвал меня молодцом и пообещал досрочный дембель. Что и было исполнено комполка.

Вот тогда я и захотел очень сильно, что бы у меня был один командир. Знающий дело. Умный. Которого я уважаю. На сей момент у меня есть Чаша Машина, Мария Игоревна Чашина. Мне хорошо, потому что мы друг друга понимаем. И нет как нет других критериев жизни и работы.

Вячеслав Вячеславович Петров, ВВП. Почему я пишу сценарии для неигрового кино? Не-игрового. То есть – без игр. Без актеров и всяких разных придумок автора. Да и какой я автор? Нет человека, который сказал бы: я – автор жизни. Так вот, я - не автор сценариев документальных фильмов. Не автор жизни. Я – рыбак, который со своей мелкочейистой сетью внутри водоема. Вытаскивает сеть. О!.. Это очень любопытно! Показываем улов всем. И если я сплёл сеть с ячейками не такими, как у всех, то, значит, всем любопытно будет посмотреть на мой улов... Я точно знаю, что не знаю, что и как делать правильно. Но так же точно знаю, что не правильно в этой жизни. Вот так-то, братцы...

Пётр, Пётр Иванович. Я знаю, что документальное кино – это вечность. Вот я смотрю на фотографии моего деда на войне, моей бабушки на колхозном поле, моего прадеда, который был сыном крепостного – он умер в середине прошлого века; на фотографии моих родителей - как они поженились, потом дом строили... В нём и сейчас живут. Отец тоже

воевал. В Афганистане. Там его и ранило... Смотрю на эти снимки и думаю: а если бы это было документальное кино? Вот дед свои награды мелом чистит, а бабушка этим же мелом тапочки белит... Я бы посмотрел это кино, пожил бы с ними немного в том времени, узнал их получше. Сам стал бы лучше. И это было бы для меня счастье... Вот поэтому я попросился на работу на студию кинохроники. Чтобы работать на вечность. Чтобы ее, эту вечность, делать. Вот... В этом мой личный интерес. Вот... Сейчас я смущен.. Я много читаю. Но не всегда всё понимаю. Люблю гитару. И песни под гитару. Слова чужие, но они, эти слова, будто про меня...

С краю авансены входит рабочий сцены в ладном комбинезоне. В руках гитара. Говорит: «Хотите гитару? Она есть у меня». Подает Пётр Иванычу гитару, смотрит, как тот настраивает, как исполняет песню Николая Шипилова. Присаживается на корточки, как эски присаживаются, слушает песню до конца. Да, вот ещё: рабочий под мышкой, придерживая другой рукой, принес и скамейку. На неё постепенно все и уселись. Кроме кинооператора, который стоит, опершись о свой рабочий инструмент – штатив. После исполнения песни все уходят постепенно, не спеша, друг за другом.

Эпизод третий

Торец дома Виолетты Федоровны. Это одноэтажное сооружение из хрущевских панелей. Двор. На переднем плане в углу сцены обычный деревенский колодец с воротом, цепью и мятым ведром на ручке ворота. Забор из серо-зеленого старого штакетника, огораживающий двор и палисадник. В заборе калитка. Во дворе куст черемухи. На заднем плане березовый лес. Лестница прислонилась к крыше веранды. Виолетта по ней лезет на крышу. Киногруппа при делах: Коля-Гриша устанавливает камеру на штатив, рядом Мария Игоревна, что-то негромко говорит оператору – наверное, режиссерские указания и просьбы; Толечка в наушниках и с «собакой» пишет звуки деревни, ВВП на скамейке у палисадника, держит блокнот в руках, но пока ничего не пишет, думает; рядом мама Надя – зорко наблюдает за происходящим; Пётр Иваныч с краю сцены стоит, делает фотоснимки, никому не мешает.

Виолетта Федоровна (*лезет по лестнице на крышу веранды*). Ой, время-то уходит! Доить скоро... (*Прислонила руку козырьком, вглядываясь в перелесок. Группа этот важный и интересный момент не пропустила: кинофиксация события происходит*). Зорька, Зорька... Ночка, Ночка!.. Где же они, куда побрели? Пастуха-то нет... А откуда ему взяться? Скотина в деревне отсутствует. Раньше без коровы жизни не было, не то что сейчас... Сейчас жизнь другая, сытая... И все равно без коровы нельзя в деревне. Ночка!.. Зорька!... (*Спускается*) Ладно, сами дорогу найдут. Но встречать-то надо... А где Руслан? Нету Руслана! Придется разговор составить... А вообще-то он ко мне хорошо относится. Любит, однако. (*Обращается к группе*) Исчезну не надолго – не возражаете? Встречать-то надо скотину...

Виолетта Федоровна уходит через калитку. Через другую калитку с другой стороны сцены появляется Руслан с большим букетом полевых цветов. Садится на скамейку рядом с Надеждой Ивановной, перебирает цветы. Лишнее почему-то складывает в

карманы рабочих штанов. Вопросительно смотрит по очереди на членов киногруппы. А те, фиксируя все, что происходит во дворе и, обмениваясь им одним понятными жестами, сосредоточились, стоя поодаль, на Руслане. Надежда Ивановна помогает Руслану составить букет. Итак: кинооператор снимает, звукооператор пишет звук.

Руслан (*вздыхнув обреченно, с легким недоумением*). Влюбился с первого взгляда, когда увидел ее глаза. Они такие интересные... красивые... через очки – хамелеоны называются... Она живет не для себя... Ничего не пропустит... Но говорит много... Молчит, когда грустно. И когда спит... **Пётр Иванович**. (*Издалека, он на заднем плане, в стороне*.) Великодушно простите. (*Это он к группе – извиняется за дерзость. А потом обращается к Руслану*.) Букет – это для...

Руслан (*грустно*). Для нее. Для нее. Она повеселеет. И нам всем будет хорошо. Но, по правде, когда вы приехали, она сразу повеселела...

Группа смотрит на него с большим интересом. Пауза.

Мама Надя (*чтобы не нарушить принципов общения*). Дак это здорово! Мы рады...

Руслан (*обернувшись к Пётр Ивановичу*). Знаете... Машина у нас новая. «Нива» называется. Недавно купили. И заводится хорошо. Но долго. Долго заводится. Но хорошо. И еще стучит что-то. Что-то стучит... Может, посмотрите?..

Пётр Иванович. А знаешь, что хороший стук всегда наружу выйдет? Выйдет, выйдет. Не сомневайся. Всегда. И везде. И не только в машине.. А уж в хорошей, хорошо отлаженной машине... К бабке не ходи. Конечно, уважаемый, посмотрим. Пойдем и посмотрим. (*Уходит вместе с Русланом*).

Раздаются мужской и женский голоса. Через первую калитку входят Виолетта Федоровна и представительный мужчина среднего возраста, средней внешности в средней, не яркой одежде с кожаной папкой в руках. Широко и радушно улыбаясь, первым входит во двор, первым заговаривает, протягивая руку Марии Игоревне – ее он сразу вычислил как главную на съемочной площадке. Это директор ЗАО «Пламя».

Директор. ... Вижу, вижу дорогих гостей. Наслышан. Знаю. Рад вашему приезду на наши благословенные земли. Вот привел нашу... вашу героиню. Где вы, Виолетта Федоровна? Проходите, проходите, будьте как дома. Шутка, ха-ха!...

Виолетта Федоровна (*улыбаясь – шутку оценила*). Здесь я, здесь... Коров ходила смотреть. Да ладно, теперь уж Руслан пригонит... Знакомьтесь: Михаил Ильич, наш замечательный директор замечательного хозяйства «Пламя».

Директор. Нет уж, нет, Виолетта Федоровна! Кто здесь самый замечательный – так это вы! Любимый всеми Президент. Ха-ха... (*лёгкий смехок*) Президент Вокзала. Еще иногда ее называют Комбат. Все на ней держится. Слава богу, она здесь есть. (*При этом он слегка приобнял Виолетту Федоровну, задержал не ее талии руку*.) Человек, беззаветно влюбленный в свою малую родину. Не случайно же она получила приз

Фонда Сороса «За подвижническую деятельность и вклад в развитие гражданского общества»... Спасибо вам, Виолетта Федоровна, за все, что вы делаете!

Конечно, Коля-Гриша все это снимает, Толечка звук пишет. Остальные не мешают развитию спектакля, внимательно сканируют происходящее. Нужную красочку в картину добавила Надежда Ивановна: она взяла букет цветов, оставленный на скамейке Русланом, и подала знак Михаилу Ильичу. А директор потому и директор, что сходу все улавливает: он взял букет и вручил его Виолетте Федоровне. Та слегка смутилась. Слегка зарделась. Такая миленькая импровизация, не так ли? Видя дотошность «съемщиков», Михаил Ильич не хочет останавливаться.

Директор (*продолжая*). Её иногда Паханом называют. Ну и правильно. Пахан – это папа. Отец, который командует всеми. И отвечает за все...

Коля-Гриша. Всё! Всё!.. Простите, плёнка закончилась. Кассеты вечером, в темноте перезаряжаем. Так что продолжим завтра. Хорошо?

ВВП (*вдруг вышел вперед*). Ну, вот и хорошо. Все очень хорошо. Может быть, продолжим завтра, если у вас будет время, и вы подскочите... подъедете к нам. На Вокзал. Будем рады и признательны...

Директор (*с облегчением врет*). Добро. Обязательно подскочу. До свидания. Удачи вам в работе...

Виолетта Федоровна. А может, Михал Иваныч, дорогой, задержитесь? На минутку? На чашку чая? Давно не пили... чаек мой самодельный, на травах... Ну, вы помните...

Директор (*испуганно*). Нет-нет, что вы!.. То есть чай, конечно, помню. Но – в следующий раз. Дела, дела... Ну, вы понимаете (*уходит*).

Мария Игоревна. Виолетта Федоровна! А давайте-ка продолжим? Уж очень интересно ваш директор... начальник... сказал.

Виолетта Федоровна (*охотно, чуть горделиво, слегка возбужденно – все идет в мазь*). Он не мой директор. Мои начальники – люди. Народ. Я же облечена, как депутат, доверием избирателей. Можно сказать обречена с ними. Поэтому и служу людям, односельчанам... А что Комбат? На мой день рождения на местном радио кто-то заказал песню для меня: «Комбат, батяня, комбат...» (*пропеваает куплет*). Весь день крутили. С утра до вечера. Мне было лестно. Я чувствую, что здесь нужна, что здесь мое место, что должна кому-то помогать даже в пустышной беде. И если, если это происходит – ну, не беда, конечно, а ее преодоление! – то я счастлива... Дон Кихота даже комарик восхищал. И он был защитником комарика... А еще патриотизм, так сказать, любовь к родным пенатам, своей малой родине? А ведь это тоже моя забота.

Я здесь хоть маленький, да князек. Пусть хоть один раз буду королевой, но буду! Чем всю жизнь рабыней. И я не хочу другой жизни... Про меня могут всякое говорить, а мне фиолетово!... А то, что еще Паханом называют – ну, и пусть! И пусть Пахан – это зона, но и на зоне должен быть порядок. По-ря-док. Ведь Пахан все может!... Вот я и стараюсь в меру своих силенок и возможностей небольших... Не хочу излишне скромничать, но это так: уж само собой у меня все получается. (*Виолетта Федоровна скромно опукает глаза, смотрит при этом в сторону. Дымчатые очки то ли маскируют скромность, то ли подчеркивают*)

... Простите, коровы пришли, что ли?.. Болтаются, как гамно в пролубе, извините меня за простоту, я же здешняя, так сказать, местная... Пойду,

у меня вечерняя дойка... А Руслан? Где он? Надо разговор составить!..

Мама Надя. Не беспокойтесь. Он с нашим водителем ваш автомобиль эксперт... экспертизирует. Нам всем кажется, у вас отличная машина! Самое главное – цвет. Очень удачный.

Виолетта Федоровна. Я выбирала. Цвет должен быть серьезным. Удачным... Ну, я бегу, бегу...

Мария Игоревна. А мы еще походим здесь немного, посмотрим. Пейзажи, перебивки и все такое прочее, ну, вы понимаете, да?

Виолетта Федоровна. Конечно, конечно... А после милости просим к нам. В шалаш, так сказать. Как говорится, на рюмку чая (*смеется, уходит*).

Все это время зритель видит, что, не смотря на свои заявления о пленке (об отсутствии заряженных кассет), Коля-Гриша продолжает снимать. Он заранее, будто между делом, установил треногу чуть в стороне, накрыл камеру «штанами» (зарядным черным мешком), отошел в сторонку, присел на березовый чурбан, закурил. Красная сигнальная лампочка горела, но кто из сторонних понимает, что процесс продолжается? А Толечка со своей «собакой» стоит возле куста черемухи – и тоже будто бы не при делах. После ухода Президента (Комбата, Пахана) возникла пауза. Все, не сговариваясь, сходятся у камеры. И не успели рты раскрыть, что бы обсудить то, что было не по сценарию. Появляется старик с тележкой, на которой стандартный алюминиевый молочный казенный бидон на 38 литров. Достает из колодца воду, наливает в бидон. Группа оживляется, разворачивается в сторону нового персонажа.

Мария Игоревна. Здравствуйте!.. И как вам здесь живется? Воду тяжело добывать? А дрова? А корм скотине? А себе продукты где покупаете? Магазина-то нет в деревне... Или всё терпимо? Или даже все хорошо?..

Старик. Да какая там скотина? А вода... Что – вода? Воды немного надо, чай сварить, да штаны постирать. Главное – дороги чистят. Что бы ребятишкам туда, в школу, и взад, обратно, к нам проехать... Слава богу, у нас свой Президент есть. Пахан, однако. Или Комбат. Всё едино – молодец... Только вот пенсии забирает...

Вбегаёт, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, грузная жена разговорчивого старика – того же пенсионного возраста, в штопаном шерстяном самовязаном балахоне. И верещит...

Жена старика. Ежели он верещит и возмущается – не записывайте. И фотографии не делайте! А то он вам фильм спортит. Ну-ка, иди домой!..

Тычет его в спину. Они уходят с тележкой. Ползут. Как всю свою жизнь в этом Вокзале, с которого никто никуда никогда не отправлялся по расписанию... Группа смотрит вслед, окаменев.

За сценой звук мотора. «Уазик». Все смотрят в сторону звука. Пауза. Входит фермер: чуть за тридцать, кровь с молоком, жилистый, загорелый, лицо суровое, желваки играют. Говорит напряженно, но голос не повышает – жесткость в интонации и словах. Коля-Гриша разворачивает камеру в его сторону, Толечка тоже поменял точку; съёмка продолжается, звук пишется, таковы правила и законы работы.

Фермер. Вы что-то положительное снимаете про эту даму?.. (*Легкий кивок в сторону дома Виолетты Федоровны.*) Теперь меня послушайте. Видели дом на краю деревни? Хороший, добрый, крепкий. Мы в городе

трешку продали, что бы сюда переехать. Мечта была: фермерство. Государство подталкивало. И обещало... По закону могли землю в долгосрочную аренду взять, льготами пользоваться, хотели спасти умирающий Вокзал. Ан нет!.. Эта с-су... сво... Эта дама сделала всё, что бы власть землю мне не оформила. Она же сама – власть. А всё потому, что боялась: вдруг здесь появится настоящий хозяин. Настоящий, а не вручий. И тогда она превратится в ничто. В ничтожество... А сейчас она здесь королева, начальник деревни. Водкой по завышенной цене торгует, в долг водку дает под залог будущей пенсии... Я всё сказал. Думайте сами. Я поехал. В машине двое спиногрызов, жена третьим ходит... И назад, в город, нам дороги нет. Да и не хотим мы сдаваться так просто... (*Уходит*).

Группа растерянно молчит, вопросительно смотрит на сценариста.

ВВП (*глядя в зал, но обращаясь к самому себе*). А что? Да ничего. Всё ожидаемо. Конфликт интересов. А это даже очень хорошо. Прекрасно: эпизод развернем, покажем, что жизненная дорога сельского интеллигента гладкой не бывает, что за справедливость надо бороться, отстаивать законное право аборигенов на свои земли... Очень хороши мазок в нашу картину, которая не должна быть плоской и однозначной.

Мария Игоревна (*глядя в зал, но разговаривая с собой*). Так-то оно так. Всё-то оно правильно. А ежели что выйдет не так – вот тебе и пожалуйста...

Коля-Гриша. Умно сказано... Но, Мария Игоревна, вы сейчас про что? Вячеслав правильно излагает. Лубок хороший мерещится. Без приторностей. С легкой горчинкой.

Мария Игоревна. А вот мы сейчас и проверим, надо ли нам сомневаться, или только восхищаться талантливым и неординарным человеком. Третий день здесь крутимся, наблюдаем, снимаем, разговоры разговариваем... И вопрос ко всем: что запомнилось? Что зацепило? Обо что споткнулись?

Все (*не сговариваясь*). Пенсии забирают!.. Виолетта забирает пенсии!..

ВВП (*обращаясь к залу*). Припахивает здесь чем-то, что ли? Серой? Водородом? Или мне показалось...

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Эпизод четвертый

Гостиница в райцентре. Номер Марии Игоревны – «люкс по-деревенски». С холодильником «Бирюса» и ламповым телевизором, сервантом советским с кое-какой посудой для выпивки и закуски. На стене – унылый березовый пейзаж а,ля Куинджи. Есть кровать, журнальный столик, два кресла, два стула возле стола. Вся группа в сборе, все при делах: стол сервируют.

Коля-Гриша (*выкладывая продукты из кофры*). А вот капуста по-грузински, сало с чесночком. Сам мастерил.

Пётр Иванович (*опустошая полиэтиленовый пакет*). А вот укроп, лук из перьев, груздь соленый. Это всё здесь растёт. У соседей. И недорого совсем... (*потом берет гитару, поёт*).

Толечка (*доставая из своего кофра свои запасы*). А вот привет из нашего детства. Здесь, в прелестном сельпо купил: конфеты орехово-соевые, пряник «северный» – жамки, так его здесь называют. Из советских запасов, что ли? Сейчас таких не делают... А смородину протёртую мне мамка дала. Голые витамины, говорит, прыгают...

Мария Игоревна (*не вставая с кресла, за журнальным столиком просматривала бумаги – сценарии, что ли? – протянула своё из большой дамской сумки*). А вот и моя лепта: зефир в шоколаде, сервелат фирмы «Сибирский бекон».

Коля-Гриша. Не сомневаюсь: сама, поди, готовила.

Мария Игоревна. А то... Много чего умею. Иногда даже кино какое-то...

Входит Надежда Ивановна - Мама Надя, с кастрюлей в полотенце.

Мама Надя. А вот и картошечка поспела. Рассыпчатая. Местного разлива. И ещё пирожки с капустой. Сама пекла. Как и Чаша – зефир (*все здесь улыбнулись*). На ресепшен (*улыбка ироническая*) микроволновка есть. (*Выкладывает пирожки. ВВП всё это время молча стоит у окна спиной к столу*).

Коля-Гриша (*оглядев стол*). Эkleктика какая-то.

Мария Игоревна (*пересаживаясь с кресла на стул*). Какофония.

Пётр Иванович. Не понял. Как это? Кака?..

Толечка. Како. Фония. В переводе на русский, не к столу сказано, разножопица.

ВВП поворачивается, идет к холодильнику. Достает бутылку водки из морозильника, ставит на стол.

Коля-Гриша. Вот теперь эkleктики нету.

Мария Игоревна. Есть стилевой стержень, который всё цементирует.

Пётр Иванович (*испуганно*). А это – что это: стержень? Ну, не водка же?

ВВП. А вот про ЭТО... Потом про ЭТО. И подробнее.

Коля-Гриша по праву старейшины разливает. Все берут стаканы, держат молча, ожидая команды. Пауза. Все задумались почему-то.

Толечка. Вы что?.. Забыли? Рюмка – не микрофон, долго держать нельзя. Тост нужен. (*Все смотрят в сторону Чаши Машиной, потом на ВВП*.)

ВВП. Проблема, однако. Запах появился. Запах серы... Хотя, по чесноку, появился он раньше. Когда я понял, что слишком много сладкого в сценарии. Усилился сейчас. (*Здесь все недоуменно вскинули брови*.)

Мария Игоревна. Для особо одаренных: это запах дьявола. Запах черта. Запах беса.

ВВП. Так выпьем за то, что бы он, этот чертов запах, нас не одурманил

(выпивает, занюхивает, закусывает. Все следуют его примеру).

Мама Надя. Ой, забыла чайник поставить! *(Уходит)*

Мария Игоревна. Слава! Давай дальше рассказывай. Ты же не просто так молчал. Думал, однако. Говори. Ты же у нас ВВП – самый ценный внутренний продукт.

Пётр Иванович *(простодушно)*. А что вы, Мария Игоревна?

Мария Игоревна. Моя работа – организовать процесс съемок в соответствии со сценарием. И затем наблюдать за ним. И, если нужно, корректировать, образ лепить, мысль не исказить. Если, конечно, она, мысль, присутствует в сценарии. Но вот как раз за это Вячеслав Вячеславович отвечает. Не так ли, Слава?

ВВП. Отвечаю. Сейчас у нас сальдо с бульдо не сходится. Смотрите сами: а) То, что мы хотели и ожидали увидеть – то и увидели; б) Мы также увидели что-то другое, что разрушает первое... И всё это, одно с другим, не монтируется. Пока. В мозгах. Но решение надо принимать. Здесь и сейчас...

Коля-Гриша. Правильно. Хотя и верно. Иначе завтрашний день не наступит.

Мария Игоревна. В кино монтируется всё со всем. Главное, чтобы мысль какая-никакая была. И чувство какое-нибудь. Тогда и содержание будет, и образ появится, и картина слепится.

ВВП *(лениво, он слегка придуривается, потому что думает очень сильно)*. А что такое образ в доккино? Говоря по-современному – в неигровом кино, а?

Пауза. Пётр Иванович, раскрыв рот, вслушивается в разговор; Толечка взял магнитофон и со словами «Пойду напишу звуки, шумы и тишину» вышел; Коля-Гриша навел себе в стакан морс – варенье с минералкой; Чашина закурила; ВВП отрезал ломтик сала, сделал себе бутерброд.

Коля-Гриша. Господи, господи!.. И что делать несчастным кинодокументалистам, которые болтаются между искусством – и высоким искусством? Да... Это было и есть, вспомните Лени Рифеншталь, ранних Валеру Соломина и Юру Шиллера... А вот другие мечутся между правдой и не совсем правдой, то есть между правдой и ложью; между искусством и реальностью. А реальность такова: и рыбку съесть (некривое кино сделать), и на деньги сесть (госзаказ получить). Но беда-то в том, что обманывать зрителя, вроде бы, в натуре, собственно говоря, как бы, чисто конкретно, нельзя. Тем более, что на поверхности очевидное: настоящая журналистика где-то возле плинтуса, и одна надежда – документальное кино. И главное: при всем старании невозможно себя обмануть. В противном, очень противном случае задушиться можно. И даже нужно... Уф-ф! Устал от слов... Проще камерой управлять.

Звонок на сотовый телефон Петрова. Он ответил, подтвердил правильность набранного номера, включил громкую связь. Звонила Виолетта Федоровна. Голос возбужденный и радостный.

Виолетта Федоровна *(голос)*. Вячеслав Вячеславович! Это я!

Добренького всем вам вечера! Вячеслав Вячеславович, а у меня новость. Хорошая – для меня. А может, и для вас. Имею ввиду, конечно, не вас персонально, а ваш кинопроект. Рассказываю: меня назначили главой администрации поселка Болотное. Апартаменты будут рядом с вашей гостиницей...

ВВП (*прерывая*). Простите, перебиваю. Во-первых, от имени группы поздравляю искренне. А во-вторых, просьба: мы завтра будем у вас работать, с вами это обговорено, да? И вы сможете повторить этот звонок и это важное для вас и для нас сообщение на камеру? Для фильма нужно...

Виолетта Федоровна (*голос*). Конечно! Что за труд?.. Конечно, да!

ВВП. Вот и славно. Тогда – до встречи завтра!

Пауза. Все вопросительно смотрят на Петрова, переваривая новую информацию о главной героине фильма. Лишь выдавший разные виды и бывавший не раз в мутных творческих переделках патриарх доккино Николай Григорьевич спокоен, как удав, сидя в кресле, прикрыв глаза, слегка дремлет. Будто бы дремлет. Потом, не поднимая век, говорит.

Коля-Гриша. Я так понимаю, возвращаемся к началу. Насколько я понимаю в медицине, ничего не меняется: из исходных ингредиентов легко лепится лубок? Или уже не лепится лубок?..

Пётр Иванович. Я извиняюсь... Идем по второму кругу. Я все равно не понимаю, не соединяются у меня слова: лубок и кино. Кино-то мы снимаем про правду и про настоящую жизнь, да ведь?

Чашина (*думая о чем-то своем*). Лу-бок... Петя! Запомни: лубок в кино - это такая картина, что иногда после ее просмотра укуса глотнуть хочется.

Коля-Гриша. Или водки стакан...

Чашина. И все равно не поймешь, где правда, а где...

ВВП. ... А где вранье, да? И где ответ на вопрос: кто есть кто, да? Как говорится: «Who is who?»

Пётр Иванович. Теперь все ясно, как белый день. Давно бы так говорили, а то все вокруг, да около.

Чашина. Ну, вот и ясность про завтрашний день подтянулась. Живем своей жизнью. Работаем. А там видно будет.

Входят Мама Надя с чайником, Толечка с магнитофоном и наушниками на шее. Надежда Ивановна разливает чай, прибирает стол.

Толечка. Я не ослышался – про лубок речь идет? А можно и я свои 5 копеек про сладкое кино и про настоящую «сладкую» жизнь?

ВВП (*пожав плечами*). Хочешь – скажи. На съемках если режиссер не возражает – говорить может любой. Было бы что слушать. Были бы ответы на главные вопросы бытия...

Толечка (*чуть ёрничая*). Спасибо, мастер... Помните эпизод в школе? Ну, когда мама и дочка моют пол? Потом вырезали наш державный герб из коробки сигарет «Пётр Первый». А потом наклеили этот герб на школьную вывеску. Что бы все понимали, что Новый Вокзал не где-то там на выселках, в богом забытом чертовом болоте, а – в России. В ее

географическом центре. А это не хухры-мухры. И Николай Григорьевич это дело зафиксировал.

Чашина. Помню. И что? Пока не знаю, в каком контексте, куда и с чем это монтировать. Но чувствую: это токсично. В нашем случае явный подтекст просматривается. А оно нам надо?... Пока нет ответа на этот главный вопрос.

Толечка. Продолжаю. Тогда я чуть раньше вас вышел во двор школы и там услышал нечто...

Пауза. Все выжидательно смотрят на Толечку.

Мама Надя (басом). Толик! Умоляю: не тяни за хвост волынку. Мы тебя не догоняем... Убить тебя, что ли?..

Здесь все уважительно посмотрели на Надежду Ивановну – она выразила общее мнение.

Толечка. Помните качели во дворе школы? Так вот, там две девочки качались. Я и поговорить, и послушать умею. И вот девочки мне сказали... подсказали, что ли... у меня нюх есть, что писАть, а что не писАть... Короче: Виолетта Федоровна брала... отбирала теленка у одной... бедной, что ли... семьи. Эта семья ей задолжала...

ВВП (реакция мгновенная). Ну да! Может быть. Вполне! А может, и не может. Деревня – это деревня. Здесь свои вековые традиции... Но кто сможет ЭТО подтвердить, повторить на камеру? Никто!..

Толечка. Жаль, что Мария Игоревна и Вячеслав Вячеславович не сволочи... Очень жаль.

Пауза. Все обомлели. Дело-то вроде серьезное, а тут...

Мама Надя (ласково). Толечка, милый, ты часом с дуба не рухнул?

Толечка. Вот Пётр Иваныч. Он сканирует всё не только за рулем, но и в минуты простоя. Он знает, что нас может интересовать. Руслан нечаянно проговорился, когда Петенька ему зажигание делал. Ну, не ему, а его новой самодвижущейся тележке...

ВВП. Ну? И что же сказал Руслан?

Вопрос звучал тихо, но с напряжением 220 тысяч вольт. Или 500. Все повернули голову в сторону водителя. Он продолжал не спеша закусывать: сначала на черную горбушку брусочек чесночного сала с пером лука, потом картофелину из кастрюли, потом соленый груздь... И внимал умным, но не всегда понятным разговорам творцов. После вопроса Петрова отодвинул еду, дожеввал не спеша, вытер тыльной стороной ладони рот и стал серьезно и обстоятельно говорить на волнующую всех тему.

Пётр Иваныч. Ну, это... Спрашиваю его: вот корыто во дворе – понятно. Но зачем цепь рядом? Руслан говорит: «А здесь теленок был, воду пил из корыта. Потом его, теленка, Сибирцевым вернули. А цепь – что бы домой не убежал...» Плохое слово Руслан сказал: вернули. Это означает, что сначала животное забрали, а потом вернули. Логично?... Логично.

Но что-то здесь не правильно. Или даже не честно. Вот я Анатолию так и сказал...

Пауза

ВВП (*резко, негромко, припечатав ладонью стол*). Значит, вот что: всё узнаем про Сибирцевых. Идем с ними на разговор. Узнаем третьи мнения, четвертые... И только потом, напоследок – с Виолеттой разговариваем. Но завтра утром с ней как ни в чем не бывало – поздравления в связи с назначением на такой ответственный высокий пост. Вот такой план. Если, конечно, никто не возражает.

Чашина. Никто не возражает.

Коля-Гриша. И напоследок вам скажу... Относительно сволочей. Толечка реплику отпуская... Это он про парадокс Шермана. Ну, кто ж его не знает? Помните, в середине прошлого века на нашей студии работал такой режиссер-мудрец? Мне повезло, захватил его; пару хроникальных сюжетов в киножурнал «Сибирь на экране» снимали вместе. Так вот, он говаривал за рюмкой чая: «Режиссер должен быть сволочью. То есть добивайся реализации творческих задач любыми способами. А если картина будет плоховатой, то потом никто не будет слушать объяснений и оправданий». Ферштейн излагаю?..

Чашина. Козе понятно. Лично я согласна, если нужно, побыть, сволочью. Но я не такая. Жизнь наша такая... Короче: идем ва-банк.

Толечка. Андестенд ю.

Пётр Иванович. Яволь, Мария Игоревна. К которому часу аппарат подготовить на выезд?

Чашина. Снимаем всё. Всё, что есть. Что видим, хотя и не всегда понимаем. Смотрим и налево, и направо. И вверх, и вниз. А также по диагонали. Ясность потом нарисуетя...

ВВП. А запах чертовщины всё усиливается!.. Вперед, на винные склады! Без страха и упрека!

Мама Надя. Вот теперь можно и наполнить наши граненые бокалы. Сегодня мы молодцы. Я-то знаю, я-то вижу...

Оживление. Наливают. Что-то говорят друг другу пустяшное. Лица у членов киногруппы светлеют...

Эпизод пятый

Комната-гостиная в доме Виолетты Федоровны. Полный набор всего полагающегося: на стенке ковер, на полу палас, на книжном стеллаже много книг, в серванте за стеклом фужеры, рюмки, пара графинов, посуда горкой для праздничного застолья; на серванте – литая фигурка Дон Кихота, в углу телевизор на ножках, посередине журнальный столик, возле – два кресла, покрытых коврами; и еще стол обеденный, полированный, складной.

Камера на треноге установлена в прихожей, за открытой дверью в гостиную. Два небольших киносветильника на треногах. Толечка с «пушкой» занял удобную рабочую позицию. Чашина и Петров расположилась за кинооператором – чтобы не лезть в кадр.

Виолетта Федоровна в ожидании команды стоит наготове у открытого окна с телефонной проводной трубкой – якобы впервые звонит на киностудию с радостной вестью. По отмашке Николая Григорьевича («Можно!») Виолетта Федоровна начинает спектакль.

Виолетта Федоровна. Вячеслав Вячеславович! У меня важная новость:

меня назначили главой администрации поселка Болотное. Это наш районный центр. Полторы тысячи жителей. Здесь всё лучше. Даже коровы красивее. Приезжайте в гости. Буду рада вас видеть!.. Спасибо за поздравления!..

Пауза

Всё? Снято? Получилось? Или ещё что?..

Чашина. Всё! Снято! Получилось. Больше ничего не надо. Всё замечательно. Спасибо... А теперь, Виолетта Федоровна, переседайте, пожалуйста, вот сюда, в кресло своё любимое, да? Вячеслав Вячеславович пару обычных, простых вопросов задаст. Да?..

Виолетта Федоровна садится в кресло, Коля-Гриша переставляет треногу с камерой, поправляет свет; Толечка тоже перемещается, занимает другую позицию.

ВВП. Виолетта Федоровна! Говорите просто о своих первых эмоциях, где будете работать и жить. Когда переезжаете... Всё-таки стали большим командиром...

Виолетта Федоровна. ...Ну, я не руководитель района. Не доросла. Это разные... вещи. У меня простой посёлок. Райцентр. А глава районной администрации – другой человек. Крупная фигура. Но я ему не подчиняюсь. Просто сотрудничаю.

... А где жить будем – еще не знаю. Пока отсюда ездить будем. Не так далеко... Но о коттедже и мысли нет. Богатый, солидный, роскошный коттедж... О-о, для этого надо много поработать, много шишек набить...

Даже через очки было видно, как блестят и сверкают ее глаза. Было ясно: коттедж, дворец – это в первую очередь. Из кухни Руслан и дочка выкатывают сервировочный столик, на нем шампанское, конфеты в вазе, яблоки...

Руслан. Пожалуйста, если можно. Мы с радостью...

Виолетта Федоровна. Молодец, Руслан. (*Достаёт фужеры.*) Это для начала. А дальше – как получится. Сегодня можно. Верно говорю?

Коля-Гриша. Верно. Хотя и правильно...

Затемнение

Улица в райцентре. На втором плане одноэтажный Дом администрации, о чем говорят два флага над ним и особенное, «казенное» крыльцо, да и вывеска под стеклом. Вдали на заднем плане с одной стороны панельное двухэтажное здание (школа), с другой – одноэтажное унылое сооружение (коровник или что-то иное производственное). В центре на переднем плане камера «Кинор» на треноге. Возле нее Коля-Гриша, Толечка. С краю площадки, огражденной штакетником, на скамейке расположилась Надежда Ивановна, как всегда в свободную минуту вяжет что-то, не теряя бдительности, острым взглядом из-под очков контролируя ситуацию и ожидая просьбы помочь. Рядом с ней Пётр Иванович. Одновременно появляются Петров и Чашина. Петров входит через калитку, Мария Игоревна из здания администрации.

ВВП. Кто первый?

Чашина. Давай я. Виолетта будет на рабочем месте в 13.30. Не раньше и не позже.

ВВП. Скотники Миша и Саша пойдут на обед в 12. Плюс-минус минуты

какие-то. Рая Сибирцева после уроков пойдет к школьному автобусу где-то ближе к часу.

Коля-Гриша. И все через нас пройдут? Точно?

ВВП. Точно. Проверено-перепроверено. Это их единственные пересекающиеся пути движения.

Чашина (*подойдя к камере*). Это последняя съёмка. Главная. Скотников... ну, рабочих молочно-товарной фермы, Мишу и Сашу, снимаем на фоне их рабочего места – коровника (*показывает направление*). Девочку, Раю Сибирцеву, на фоне школы (*показывает*). Ну, а Виолетту... Ясно и так. Три разных ракурса, три эпизода. И лучше бы разными объективами. Закрепили?

Толечка. Пока лишь проявили.

Коля-Гриша. И закрепил. Намертво. Теперь ничего не рассыпется.

Мама-Надя (*не отрываясь от вязания, про себя*). Смешные вы, мужики. Дело-то серьезное...

ВВП. А вот и они. Саша и Миша. Раньше жили в Новом Вокзале. Сейчас сюда перебрались, поближе к цивилизации... Приготовились!

Входят Саша и Миша. В рабочих бахилах, в подержанных камуфляжных брюках и куртках. Скованы, чего-то опасаются – видимо, уже протекла какая-то информация о каких-то изысканиях каких-то киношников, которые делают какое-то кино не понятно про что.

ВВП (*встав на заранее подготовленную точку*). Ребята, еще раз здравствуйте! Пара вопросов...

Миша. Да мы уже поняли. Про Президента Вокзала снимаете...

Саша. А я не понял. Или про то, что всё хорошо, или вглубь копаете?..

ВВП. Вопрос один. А там видно будет. Виолетта Федоровна водкой торговала? Теленка отбирала? Вы же хорошо ее знаете, односельчане, однако...

Миша. Раньше хорошо знали. В одной деревне жили...

Саша. Она была главной на Вокзале. Обо всех заботилась. Спасибо ей.

Миша. Про водку не знаем. Мы её, водку, не пьём.

Саша. И про телят не знаем. У нас нет телят. У нас одна забота: коровы. Вон их сколько...

Миша. Можно, мы пойдём? Обед, однако. А нам нельзя опаздывать.

Чашина (*отодвинув жестом Петрова*). Конечно, конечно. Спасибо вам. За искренность. До свидания, ребята!

Парни уходят. Пауза. Кинооператор и звукооператор возьмётся со своей аппаратурой. Режиссер закуливает, внимательно всматриваясь во всё окружающее. Петров смотрит в направлении школы, откуда Рая Сибирцева должна появиться, насвистывает какую-то песенку.

... Ребят понять можно. Им здесь жить и жить. А мы уедем... Да и что мы знаем о здешних традициях и обычаях? У нас свой устав, у них свой монастырь... Ты не допускаешь, что до нашего приезда здесь были идиллия и гармония? Или что?..

ВВП. А что? Да ничего! Желтые ботинки.

Мама Надя. Смешные вы, мужики...

ВВП. Не смешно! Але, гараж! Раечка на подходе!

Коля-Гриша разворачивает камеру, Толечка отходит в сторону со своей «пушкой». Появляется Рая с полиэтиленовой сумкой и рюкзачком за плечами. Здоровается. Глаза спокойные и усталые. Вид отрешенный.

Рая. Здравсти... Я вас видела сегодня в школе. Утром. Вы расписание изучали. А еще раньше на Вокзале...

ВВП (*растерявшись*). Простите, Раечка. Только один вопрос... Про теленка...

Рая. Да... Понимаю. Да, она брала теленка. Он у них на цепи сидел... Я ей не верю ни в чем.

Чашина (*тихим голосом, с чувством собственной вины*). Всё. Достаточно. Не будем больше, Раечка, вас беспокоить... Может, отвезти вас домой? На Вокзал?

Рая. Нет. Спасибо. Мне сначала в библиотеку, а потом школьный автобус нас забирает.

Уходит. Пауза. Все в прострации – уже в который раз. Звук автомобиля.

Пёр Иваныч. Слышите? Руслан подъехал! Сейчас подойдут...

Режиссер жестом показывает оператору откуда придет героиня фильма. Коля-Гриша кивает, разворачивает камеру в нужном направлении. Появляется Виолетта Федоровна. Руслан застыл в отдалении.

Виолетта Федоровна (*интонация нейтральная, но напряженная*). Здравствуйте, здравствуйте. Должно быть, меня дожидаетесь?

ВВП. Здравсти. Только два вопроса, Виолетта Федоровна: про водку под пенсию и про телёнка на цепи.

Виолетта Федоровна (*задохнувшись от злости*). Да вы что?! С ума сошли, что ли? Какой теленок? Какая цепь? Какая водка под пенсию?.. Да что вы, в конце концов, себе позволяете?!.

Неожиданно в кадр входит Толечка – а ведь на самом деле он делать это никогда не должен. Тише воды, ниже травы и писать звук – вот его работа.

Толечка. Простите. Послушайте, пожалуйста. (*Включает громкий звук на магнитофоне*).

Голос дочери. Не хочу, мама, походить на тебя. Сама знаешь, как нашу семью ненавидят. Я чувствую ИХ взгляды. Каждый день... Это ужасно. Я не буду такой, как ты!..

Толечка выключает звук, отходит в сторону. ВВП тоже пятится. Пёр Иваныч шепчется с Надеждой Ивановной. Возле Виолетты Федоровны остается лишь Мария Игоревна. Кинооператор удивленно разводит руками, вопрошающе смотрит на режиссера.

Мария пытается наладить разговор с Виолеттой Федоровной, но не ясно о чем. Сначала идет смешение восклицаний и слов, но потом образуется диалог женщин.

Виолетта Федоровна. Теперь я знаю: сценарист предлагает сюжет, а режиссер говняет его... Твою мать...

Поднявшийся ветерок рвет слова Виолетты Федоровны.

...Желтизна... Мудозвоны... Еще пожалеете... Хреноплёты...

Чашина (*теперь ветер четко доносит ее слова*). А идите-ка вы в жопу, уважаемая Виолетта Федоровна!

Коля-Гриша. Всё! Пленка кончилась. По правде кончилась. Или НА правде?.. Значит, фильм снят?..

ЭПИЛОГ

Редакционная комната студии – та же, что и в Прологе. Киногруппа в сборе. Мизансцена – та же, но настроение и разговоры иные.

Чашина (*с назажженной сигаретой*). И что с этим делать? Не пустят же, падлы! Никуда картину не пустят.

ВВП. Да. Фильм непроходной.

Толечка. А скажите: какой фильм? Что монтировать будем? Лубок? Или наоборот?

Мама Надя. А вот пирожки. И с капустой, и с картошкой. Тепленькие еще.

Коля-Гриша. Какой лубок? Из такого материала – и лубок?!.

Чашина. А иначе – не соответствует заявке. Прачечная не примет.

Толечка. Да кто его смотреть будет? Когда принимают – не смотрят. Интересы и смысла нет у приёмщиков.

ВВП. Иногда смотрят. В Госфильмофонде всегда смотрят то, что берут на хранение.

Чашина (*задумчиво...*). И в ящик не пустят. Кому такое произведение нужно?

Пётр Иванович (*напевает, перебирая струны гитары*). «Кому это надо? Кому это нужно? Никому не надо, никому не нужно!..»

Мама Надя. Смешные вы, мужики. (*Покосилась на Чашину, та и ухом не повела.*) Разнылись.. Все будет хорошо. Вот увидите! Стол накрыт. Извольте кушать. И закусывать.

Все присаживаются к столу, трогают свои чашки чайные, стаканы, в которые надо налить; откуда-то возникает бутылка, аксакал Коля-Гриша наливает...

Чашина (*задумчиво*). Жизнь прожила, а не понимаю: посуда разнокалиберная, а налито поровну. Как? Как сделать так, чтобы не ошибиться? Чтобы из лубка не получился лобок?

Коля-Гриша. Легко. Берешь 500 (*берет бутылку*), три стакана, два пальца не долить... Всё! Всем поровну. Это если в стаканы. А если в разную посуду – то разливать надо по булям. Буль-буль раз, буль-буль два, буль-буль три – и так далее... (*Показывает.*) Всем поровну, все довольны, все смеются.

Чашина. Вы, мастер, мастерски ушли от прямого ответа на прямо поставленный вопрос... Ну, да ладно. Давайте от безнадёги накатим. Не будем волынку тянуть.

Толечка. Понятно. Указание правильное. За хвост не тянем. Рюмка – не микрофон, долго не держим.

Мама Надя. А у меня тост подходящий есть. Давайте выпьем за страсть. (*Все удивленно посмотрели на немногословную.*) Страсть как выпить хочется! Я же вижу, как страдание всем головы морочит.

Пётр Иванович. А что б страдание ушло, надо правильно фильм смонтировать. И я знаю, как. (*Все удивленно вскинули брови.*) Просто всё. Надо правду показать – тогда и успех будет. Ведь если мы со временем про чью-то малую родину, то и предадим свою большую Родину. Разве

не так? Ну, делайте, пожалуйста, правильную картину! Вы же кино... Деятели...

Чашина. Хм... Какой простой рецепт. Народный, что ли...

Мама Надя. Правильный рецепт.

Коля-Гриша. Хотя и верный.

Пётр Иванович. А она взяла да и пошла... И сказала. Молодец!

Толечка. Кто пошел? Куда?

Пётр Иванович. Кто надо, тот и пошел. Куда надо пошёл. Я восхищаюсь Чашей... Пардон, Марией Игоревной... (*Здесь все согласно закивали головами*). Она всё правильно Президенту, Пахану, Комбату, Начальнику Вокзала сказала...

Все это время ВВП медленно двигался от окна на авансцену. По пути взял чашку с чем-то налитым. Чокнулся мимоходом со всеми. Все выпили (тост-то сказан), стали закусывать, о чем-то говорить, размахивая руками и что-то показывая («О чем говорить, когда говорить нечего...»)

ВВП (обращаясь к зрителям). Так закончились съёмки документального фильма с рабочим названием «Вокзал для всех». Заметим: по заказу государства и на деньги государства. А что потом? В Прачечной фильм приняли, не заглядывая в него – хватило справки о техническом состоянии. На очень даже престижном фестивале лента получила приз. Но не главный. Но по зомбоящику не показали. Наверное, из-за того, что обиженный фермер говорил в кадре: «Председатель Правительства утверждает, что «У нас всё хорошо». Это у них. А у крестьян?»

Вот, пожалуй, и всё. Хотя напоследок. Появилось экранное название фильма: «Правда-кривда. Баллада о руководителе». Мол, пусть зрители сами решают, кому верить: директору ЗАО «Пламя», назвавшему героиню фильма Президентом, Паханом; или запуганным парням-скотникам, или самой Виолетте и ее мужу? Или же правы её дочь, фермер, девочка Рая, чей теленок на цепи сидел у «королевы деревни Новый Вокзал»?.. Да какие там зрители? Так, немного. Хотя молодые говорили после немногих просмотров: всё ясно, всё понятно. Ой, ли?..

Ну, а совсем полная ясность случилась года через два. Виолетту Федоровну обвинили в злоупотреблении служебным положением, взятках, отобрали «апартаменты»... Но на стадии монтажа мы с Чашей... с Марией Игоревной, конечно, не просчитывали таких перспектив. Мы всё ещё спорили, колебались. Чуть не убили друг друга, решая: все же лубок делать или картину про оборотня в юбке? Вдобавок смущал запах серы, который все же указывал на наличие присутствия беса. Или черта. Или дьявола. Как угодно говорите... И решающей стала фраза фермера, который сказал: «А вы помните, что говорил Ильич по этому поводу? Владимир Ленин решительно утверждал, что «тех, кто верит политикам на слово, надо объявить дурачками». А самый главный политик на Вокзале – кто? Виолетта Федоровна...

На посиделках по случаю завершения производства фильма лучшим был тост Толика: «Выпьем за то, что бы у нас было всё, и нам за это ничего не было». Боялись на тот момент что Пахан-Президент подаст в суд за публичные наветы. Слава богу, фильм она не видела. Впрочем, и как все остальные граждане.

...Всем спасибо. До свидания.

Кланяется. Уходит было, но останавливается, вновь обращается к залу.

Да. Чуть не забыл: нашу провинциальную киностудию Прачечная решила продать. И продала. Как и другие такие же. И не стало в стране тех, кто каждый день снимал беспристрастно кинохронику про то, что происходит на малой родине здесь и сейчас, как и по поводу чего волнуются до полной остановки сердца тех, кто живет и на вокзалах, и в тех местах, куда не ходят поезда... И наши потомки, в отличие от нас, никогда не увидят следов нашей сегодняшней жизни. В кинохранилищах страны пусто. Ранешняя советская власть просто запрещала пускать на экраны то, что бедолаги кинохроникеры снимали. Фиксировали. Теперь проще: снимать не надо... И помнить на будущее ничего не надо.

ВВП, Вячеслав Вячеславович Петров, разворачивается и уходит.

Пока ВВП говорит, застолье утихает, свет меркнет. Толечка берет пульт, опускает экран, запускает какие-то фото и кинокадры.. Группа смотрит то, ради чего живут... Пётр Иванович поёт песню Николая Шипилова «Словно камень был». На экране заключительные кадры фильма «Сибирь на экране: мифы и реальность».

На экране текст (озвучивает диктор). «Потом хохотали все. Если не смеяться над XX веком, то надо застрелиться. Но долго смеяться над ним нельзя, скорее взвоешь от горя...

(Э. М. Ремарк)

Диктор. Мы это знаем. Но не всегда понимаем...»

На экране уникальные кадры кинохроники Западно-Сибирской киностудии: Медведь купается в реке; кинооператор снимает белого медведя; грузовик едет по польнье, колеса буксуют; катер на жутких волнах; сплав леса на этой же реке; оператор с камерой по шею в воде; трактор в тайге тащит по грязи вагончик первостроителей; съёмочная группа у бронетранспортера, взрыв; кинохроникеры в кузове машины; кинооператор с сумасшедшей высоты снимает монтаж моста; пашня горит, люди тушат, оператор снимает; акция протеста в мегаполисе; бабушка без рук с добрым лицом лепит пельмени; съёмочная группа в «УАЗе»; трактор проваливается под лед, тракторист чудом спасается, кинохроникер успевает снять; трактор идет по огню, оператор снимает; вертолет погибает в Чернобыле; Чечня, танк, приземляется вертолет, бойцы, война, кинооператор здесь же... В эти кинокадры вмонтированы фотокадры рабочих моментов производства документального кинофильма об учительнице из деревни Новый Вокзал – результаты съемок водителя Пётр Ивановича. На среднем плане – портрет съёмочной группы на фоне дома с таличкой: «Улица имени Николая Шипилова». Тень съёмочной группы, которая снимает плакат на заборе: «Да здравствует то благодаря чему мы не смотря ни на что»... На этом фоне звучит песня Николая Шипилова в его исполнении.

Последний куплет:

... Больше губ моих не разжать.
 Не визжать «Ура», уезжать пора,
 Да только некуда уезжать.
 И словно тень креста
 Над судьбой я встал.
 И стою, я еще могу.
 Здесь мои места, здесь мне пеплом стать,
 Чтоб уже не лгать на бегу...

На экране крупно стоп-кадр из кинофильма:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТО БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ МЫ НЕ СМОТЯ НИ НА ЧТО

ЗАНАВЕС. Начинает опускаться. Вдруг опять возвращается Вячеслав Вячеславович Петров, ВВП. Рукой придерживает занавес. Обращается к зрителям.

ВВП. Да! Забыл сказать об одном удивительном. А это очень важно – по крайней мере, важно для меня. Это удивительное, не вмещающееся в голову, называется **СОВПАДЕНИЕМ**. Но после этого фильма я не верю в совпадения. А верю в то, что где-то там... Там, на самом верху кто-то решает: кто и для чего годится. Короче, вы не поверите, но это так: девичья фамилия нашей героини – Сатановская. Сатана. Дьявол. Черт. Бес... Не забывайте: запах серы – это запах беса. Который хочет вас обмануть. И смеяться над этим нельзя. «Иначе взвоешь от горя». Рецепт здесь простой: держать ушки на макушке.

Перестал держать рукой занавес. Уходит

З А Н А В Е С

Серов Виктор Афанасьевич родился 24 мая 1948 года в г. Иркутске. В 1972 году окончил факультет журналистики Иркутского госуниверситета. С 1972 по 1980 г.г. — корреспондент, тарший редактор, руководитель молодежного вещания Новосибирского телевидения. Лауреат премии ВЛКСМ (за создание телесериала о молодежи). С 1980 по 1988 г.г. — шофер на строительстве БАМ. С 1989 по 1992 г.г. — политический обозреватель, парламентский корреспондент «Сибирской газеты»; с 1992 по 1993 г.г. — главный редактор еженедельника «Молодость Сибири»; с 1993 по 1994 г.г. — собственный корреспондент «Российской газеты». С 1989 по 1993 г.г. — член Федерального Совета, председатель комитета защиты прав журналистов России (СЖ РФ). Автор сценариев и режиссер ряда документальных фильмов. Проза В. Серова публиковалась в Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Москве (книги «Зажги свой факел», «Высокое напряжение», «Прощай, последний герой», «Мужчины в отсутствие женщин», «НДФЛ и бабочка», сборники, журналы. Обладатель Российской национальной премии в области детской литературы (2006 г.). В 2008 г. по сценарию В. Серова снят полнометражный художественный фильм «Двенадцатое лето» — Главный приз на 25 Московском международном фестивале фильмов для детей и юношества (2009 г.); в 2010 г. фильм «Пыль для матроса». Член Союза кинематографистов РФ и Союза писателей РФ.